

УДК 81'13

*Д.М. Миронова***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ И СРЕДЫ В СВЕТЕ
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

В статье предлагается системологическая интерпретация антропоцентрического подхода лингвистики с точки зрения его эвристичности при изучении взаимодействия естественного языка со средой. Подчёркивается онтологически обусловленная связь языковой системы с концептуальной, которая является важнейшим компонентом среды становления и функционирования языка. С использованием описательного метода, а также методов концептуального, контекстуального, дефиниционного и словообразовательного видов анализа определяется конституирующая роль положительных обратных связей, обеспечивающих функционирование языка как средства когниции. Рассматриваются некоторые языковые явления, иллюстрирующие результаты данного типа связей в репрезентативной стороне языка. Устанавливается роль нормативных явлений в реализации отрицательных обратных связей, содействующих коммуникативной стабильности языковой системы. Делается вывод о том, что включение в лингвистическое исследование связей языка со средой, присущее антропоцентризму, даёт возможность более полно охарактеризовать гибкость его системы и объяснить качественные изменения, ориентированные на актуальные когнитивные задачи.

Ключевые слова: антропоцентрический подход в лингвистике, концептуальная система, обратная связь, система языка, системология, языковая норма.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-524-528

Исследование естественного языка в широких координатах его антропоцентрической природы можно назвать характерной приметой современной лингвистики. Исследователей языка в России и за рубежом объединяет стремление представить наиболее адекватное объяснительное описание языковых явлений, которое без связи их с личностью коммуникантов, не может быть достигнуто. Таким образом, традиционные воззрения на язык значительно обогащаются результатами применения когнитивного, коммуникативно-функционального, психо-, этно- и социолингвистического подходов к объекту лингвистики. Более того, указанные антропоцентрически ориентированные подходы содействуют расширению и дальнейшему развитию самого представления о языке как системе. Это продиктовано необходимостью выхода исследовательской мысли за пределы изучаемой системы, что даёт возможность сохранить непротиворечивость и полноту анализа сложного системного феномена (теорема К. Гёделя). В проекции на лингвистическое исследование данный процесс нашёл методологическое выражение в смене главенствующей парадигмы языковедения, с её многоаспектным вниманием к среде бытования языка.

Было постулировано, что система языка существует в непосредственной связи с субъектом-человеком в его когнитивной и социо-культурной ипостасях [3; 6; 8]. В неявном виде это неоднократно отмечалось в рамках социолингвистических исследований, а также в целом ряде работ, выполненных в контексте современной антропоцентрической парадигмы. Были выявлены соотношения между формами существования языка и социальной стратификацией, корреляция функциональных стилей со сферами жизни общества, некоторый изоморфизм языковых и когнитивных структур, а также подвижность нормы под влиянием человеческого фактора. Для естественного языка, как системы сложной и незамкнутой, таким образом, характерна включённость в системы более высокого порядка, представленные концептуальной / социальной надсистемами (метасистемами), а также установление функциональной взаимозависимости с ними.

Взаимодействие со средой входит в число сущностных параметров естественного языка, определяющих её состав, структуру, закономерности функционирования и развития. Согласно учению о системах, отмеченное взаимодействие достигается благодаря обратной связи. Последняя возникает в результате отклонения, изменения состояния системы под влиянием внешней среды и подразумевает такую регуляцию этого отклонения со стороны системы, которая сохраняет функционально благоприятную для неё внутреннюю устойчивость. В системах живой и неживой природы механизмы обратной связи осуществляются на основе движения материи, а именно за счёт обмена веществом, энергией или информацией между средой и некоторой системой. Наиболее частотной считается от-

рицательная обратная связь, ослабляющая неблагоприятное внешнее воздействие надсистемы; положительная обратная связь, напротив, предполагает усиление, подкрепление внешнего воздействия и является благоприятной, если не противоречит задачам системы, в частности, способствует целесообразному изменению её качества (росту, развитию). Из приведённых выше утверждений следует, что динамическая реакция, выражающая обратную связь системы со средой, находится в причинно-следственных отношениях с ведущей целью системы. Как следствие, исследование механизмов, факторов и «распределения» различных видов обратной связи в сложных системах открывает путь к постижению закономерностей их изменяющегося поведения и позволяет давать прогнозы. Безусловно, это утверждение сохраняет свою значимость для лингвистических исследований.

Для языковой системы, одной из функций которой является когнитивная, важнейший компонент её среды представлен концептуальной системой его носителей, которая не менее сложна по сравнению с языком. Отмеченные философами, психологами и лингвистами свидетельства их теснейшего взаимодействия обнаруживают себя и в структурных характеристиках, и в особенностях функционирования языка. В истории языкознания на обозначенную «сопряжённость» двух систем, хотя и в преувеличенной форме, указывают и те лингвистические концепции прошлых лет, в рамках которых предполагалось тождество языка / говорения и мышления (ср., например, концепции А. Шлейхера, Л. Блумфильда, М. Мюллера). В наши дни, различая данные сущности, исследователи доказательно включают язык в число первейших средств доступа к содержанию человеческого сознания, особенностям менталитета. Установлено, что онтогенез человеческого сознания, формирование концептосферы во многом опирается на содержание языковой картины мира того или иного народа, создавая почву для выполнения языком познавательной и аккумулятивной функций. С другой стороны, его не менее важное предназначение – служить средством выражения мыслей в речи (информационная, экспрессивная функции) – означает «овнешнение сознания языком», обеспечивающее социальный обмен информацией [8, с. 43]. Связь с концептуальной средой обнаруживается и на уровне репрезентативного аспекта языка [3], поскольку язык отражает мир не непосредственно, а через посредство сознания человека. Соответственно, на разных уровнях языковой структуры можно наблюдать многообразные эмпирические факты актуализации положительной обратной связи языка по отношению к концептуальной надсистеме. Эти факты демонстрируют определённые качественные изменения в системе языка, ориентированные на когнитивно обусловленные факторы среды: совокупность знаний говорящих о мире (картину мира), специфику человеческого сознания и мышления, новые коммуникативные потребности, обусловленные теми или иными социальными изменениями.

Одна из когнитивных универсалий, вовлечённая в данный вид связи с естественным языком, состоит в ассоциативном характере мышления. В качестве основы для установления ассоциаций, в том числе между языковыми единицами выступает сходство объектов по некоторым признакам, их пространственная / временная смежность, зафиксированные общественным либо индивидуальным сознанием [10, с. 189]. Соответственно, формируются парадигматические и синтагматические ассоциации, «скрепляющие» между собой знаковые элементы языка в памяти человека. Парадигматические ассоциации наиболее отчётливо представлены на уровне лексики, поскольку именно слово фиксирует и категоризирует большую часть фрагментов опыта [5, с. 13.]. В опоре на формальное сходство ассоциируемых слов (т.н. фонетические и синтагматические ассоциации) этот вид связей в ментальном лексиконе апеллирует к знаниям экспонентов лексических единиц, имеющих внешнее сходство либо находящихся в устойчивой сочетаемости («смежной реализации» в речевой цепи [2, с. 47]).

Ассоциативность человеческой памяти правомерно рассматривать как фактор активизации закона аналогии в языке. На лексико-семантическом уровне ярким примером действия этого закона можно считать развитие сходных ЛСВ у слов в рамках одной ЛСГ. Ассоциативные «нити», связывающие между собой концепты объектов одного онтологического класса, служат предпосылкой участия этих мыслительных единиц в сходных процессах вторичной концептуализации, а также тем фактором, который обуславливает схожее развитие семантики их языковых репрезентаций – на основе одних и тех же метафорических / метонимических моделей. Так, например, в русском языке продуктивным средством семантической эволюции зоонимов выступает метафорическая модель «животное / птица – человек, сходный с этим животным / птицей в том или ином отношении». В соответствии с данной моделью ЛСГ наименований лиц активно пополняется оценочными зооморфизмами: ср., скажем, «змея» – 1. 'Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, покрытым чешуей (обычно с ядовитыми зубами)'; 2. 'простореч. *Коварный, хитрый, злой человек*'; «лев» – 1. 'Крупное хищное млекопитающее семей-

ства кошачьих с короткой желтоватой шерстью и длинной, пышной гривой у самцов'; 2. 'перен. разг. Тот, кто отличается *огромной силой и храбростью* (о мужчине)'; «пава» – 1. 'Самка павлина'; 2. 'перен. разг. Женщина с *горделивой, величавой осанкой и плавной походкой*' (курсив наш. – Д.М.) [4]. Так же по аналогии семантическая структура соматизмов в своём развитии следует ассоциативной модели «часть тела живого организма – некоторая часть неживого предмета».

На морфологическом уровне основанные на формальной парадигматической ассоциации положительные обратные связи «от когнитии к языку» могут быть проиллюстрированы фактами диахронического выравнивания словоизменительных парадигм (например, субстантивного склонения) в древнерусский период. Явление взаимодействия склонений и сегодня находит выражение в просторечной форме национального языка: ср. формы типа «должностя», «скоростя», и др. под., возникшие вследствие ассоциаций с более частотными словоформами – представителями первого субстантивного склонения («ордена», «инженера» и др.). Подобным образом различная продуктивность глагольных классов, в свою очередь, вызывает к жизни ненормативные формы спряжения вроде «мяукаешь», «щипаешь», «лазаешь».

Случаи влияния ассоциативной структуры метасистемы на естественный язык наблюдаются и на материале словообразования. В частности, такой материал представлен фактами лексической ремотивации (народной этимологии), которая, воссоздавая мотивацию слова, базируется на формальном (паронимическом) и частичном семантическом сходстве лексем: микроскоп > мелкоскоп; пластелин > присталин, лейкопластырь > клейкопластырь, клевать > клювать и нек. другие. В интересующем нас аспекте обращают на себя внимание морфонологические процессы, к примеру, аналогическое выравнивание состава основ. Отклоняющиеся от литературной нормы словоформы вроде «пекёшь», «хребёт», «афёра», «опёка», «берегёшь» реализуются в устной речи как следствие парадигматических ассоциаций с формами продуктивных глагольных классов без чередования согласных в финали основы: «везти» – «везёшь», «узнать» – «узнаёшь», «дать» – «даёшь» и многие другие. В области морфонологии аналогические ассоциации также обеспечивают развитие в языке новых суффиксальных субморфов, которые образованы на базе полноценных суффиксов: ср. чита-ть → читатель → читатель-ск-ий и измыва-ться → измыва-тельск-ий; роди-ть → роди-тель → родитель-ство-о и вмешаться → вмеша-тельство.

Отметим, что этот же ассоциативный источник лежит в основе ненормативного смешения позиционных единиц, содержащих общий компонент. Так, например, в живой речи можно встретить контаминированные фразеологические единицы вроде «куда Макар костей не заносил», которая соединяет в себе семантически близкие фразеологизмы «куда Макар телят не гонял» с фразеологизмом «куда ворон костей не заносил» (ср. также смешение «играть значение» < «иметь значение» + «играть роль»; «как кошка в масле каталась», < «как сыр в масле кататься» + «не всё коту Масленица»). Подобные случаи иллюстрируют факты влияния парадигматических смысловых ассоциаций.

Качественные изменения языка под влиянием синтагматических ассоциаций можно наблюдать на примере феномена семантической компрессии, при которой внутри синтагмы одна из лексических единиц заимствует у другой ту или иную сему. Так, высокочастотная сочетаемость лексемы «лай» с лексемой «собачий» послужила причиной специализации первой, предоставив ей узуальную возможность обозначать 'короткие, отрывистые звуки, издаваемые' прежде всего 'собакой' [4]. Сходным образом частое употребление словосочетания «железная воля» повлекло за собой семантическую компрессию, так что слово «воля» стало означать 'власть, возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.', в частности, в выражении «человек воли».

В группу полярных фактов вписываются те качественные изменения в языковой системе, появление которых обусловлено не активизацией, а утратой ассоциативных связей между концептами. Одна из важнейших причин разрушения этих связей коренится в объективном изменении ассоциируемых реалий, в нивелировке некоторого общего признака. Это выражается в потере мотивационных связей, в затемнении внутренней формы слова на уровне словообразовательной мотивировки (ср. лексемы чернила, бельё, облако) либо завершается распадом полисемии (баланс^{1,2}, довольно^{1,2}, издавать^{1,2}, камерный^{1,2}, [1, с. 22, 61, 110, 115]).

Подчёркивая доминирующую роль положительных обратных связей языка со средой, необходимо вместе с тем оговориться, что в каждый момент своего существования всякая открытая система характеризуется пределом допустимых возмущений и изменений качества. Поэтому неконтролируемая положительная обратная связь неизбежно приводит такую систему к гибели [8]. Для естественного

языка как семиотической системы предел допустимых инноваций определяется их влиянием на способность языка служить эффективным средством общения. В случае превышения указанного предела в регуляцию поведения языковой системы включаются естественные стабилизирующие механизмы, сохраняющие гомеостаз, или внутреннюю устойчивость системы. Эти механизмы возвращают систему на оптимальную траекторию к цели: положительная связь сменяется отрицательной. В действие вступает консервативная сторона языковой нормы, которая призвана регулировать социальное взаимодействие на основе эффективного информационного обмена между участниками социума. Показательно в этом отношении широкое понимание языковой нормы, подразумевающее, согласно Б.Н. Головину, свойство функционирующей структуры языка», которое «создаётся применяющим его коллективом *благодаря постоянно действующей потребности в лучшем взаимном понимании*» (курсив наш. – Д.М.) [9, с. 47]. Она содействуют естественному отбору и фиксации тех элементов языка, существование которых в наилучшей степени отвечает как внешним запросам, так и его внутрисистемным законам и тенденциям, т.е. служит самоорганизации языка. Наличие этой стороны языковой нормы обеспечивает формально-смысловое единообразие речи, а значит, общепонятность речевых сообщений, способствуя исторической преемственности национальной культуры. В данной трактовке нормативных тенденций они допускаются в любой (не только литературной) форме национального языка.

Узкое понимание нормы и её ограничение сферой литературного языка обусловлено централизованным характером языковой системы, а именно главенством одной из частей в функционировании целого. Известно, что в развитом национальном языке ключевое положение занимает литературная форма его существования, что имеет прагматическую подоплёку. Связывая поколения, литературный язык служит универсальным средством общения во всех сферах жизни социума и поэтому отмечен особой социальной значимостью. Очевидна потребность в идентичности и стабильности такого рода ядерной составляющей системы, несмотря на воздействие контактирующих с ней языковых подсистем, а также возможное дестабилизирующее влияние человеческого фактора. Она, безусловно, усиливается в результате нормотворческой, кодифицирующей деятельности лингвистов, за которой стоит «целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения» [7, с. 36]. С другой стороны, сопряжённость языка с постоянно развивающимся обществом создаёт основания для подвижности языковой нормы, наделяя её диалектичностью статического и динамического

Выбранный аспект лингвистического анализа даёт возможность более масштабно охарактеризовать гибкость языковой системы в отношении её взаимодействия с многоаспектной внешней средой. Проведённый анализ позволяет вести речь о стабилизирующей функции положительной обратной связи языка с миром когниции, что во многом обусловлено антропоцентрической природой обоих феноменов. При этом подтверждается постулат о множественности и трудности выявления всего круга обратных связей внутри сложных системных объектов. Системность как сущностная характеристика языка придаёт актуальность последовательной системологической интерпретации вербальных фактов, в фокус которой могут помещаться различные системно-языковые признаки. Результаты её применения, несомненно, дополняют уже сложившиеся лингвистические теории и помогут представить картину языковой реальности с единых, общенаучных позиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия. 1974. 449 с.
2. Белоусов К.И. Введение в экспериментальную лингвистику. М.: Флинта: Наука. 2005. 136 с.
3. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13.
4. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]: URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
5. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука. 1986. 297 с.
6. Городова Е.А. Специфика когнитивного подхода к языковым явлениям в русле современной научной парадигмы // Филологические науки. 2015. № 9 (18). С.72-78.
7. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад. 2010. 314 с.
9. Соколова В.В. Культура речи и культура общения. М.: Просвещение, 1995. 190 с.
10. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Academia. 2001. 317 с.

Миронова Диана Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
350040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: mir-lina@yandex.ru

D.M. Mironova

**“SYSTEM-ENVIRONMENT” INTERACTION IN THE LIGHT OF THE ANTHROPOCENTRIC
PARADIGM OF LINGUISTICS**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-524-528

The paper offers a systemological interpretation of the anthropocentric approach in linguistics from the point of view of its heuristicity in the analysis of feedbacks of a natural language with the environment. We emphasize ontologically conditioned connection of the language system with the conceptual one, which is the most important component of the environment for the language formation and functioning. Using the descriptive method, as well as the methods of conceptual, contextual, definitional and word-formation types of analysis, the work specifies the constitutive role of positive feedbacks that ensure the functioning of language as a means of cognition. The author considers some language phenomena illustrating the results of this type of connections in the representative side of the language, and also identifies the role of normative phenomena in the implementation of negative feedbacks that contribute to the communicative stability of the language system. It is concluded that the inclusion the relations of language with the environment in the linguistic research makes it possible to more fully characterize the flexibility of its system and explain qualitative changes focused on current cognitive tasks.

Keywords: anthropocentric approach of linguistics, conceptual system, feedback, language system, systemology, language norm.

REFERENCES

1. *Ahmanova O.S.* Slovar' omonimov russkogo yazyka [Dictionary of homonyms of the Russian language]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1974. 449 p. (In Russian).
2. *Belousov K.I.* Vvedenie v eksperimental'nyuyu lingvistiku [Introduction to Experimental Linguistics]. Moscow, Flinta: Nauka, 2005. 136 p. (In Russian).
3. *Boldyrev N.N.* Aktual'nye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape [Actual Tasks of Cognitive Linguistics at the Present Stage]. Questions of cognitive linguistics. 2013. № 1. P. 5-13. (In Russian).
4. *Efremova T.F.* Novyj tolkovno-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Online Dictionary of the Russian Language by T.F. Efremova.]. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (In Russian).
5. *Kacnel'son S.D.* Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie [General and Typological Linguistics]. Leningrad: Nauka, 1986. 297 p. (In Russian).
6. *Gorodova E.A.* Specifika kognitivnogo podhoda k yazykovym yavleniyam v rusle sovremennoj nauchnoj paradigm [The Specifics of the Cognitive Approach to Linguistic Phenomena in line with the Modern Scientific Paradigm]. Philological Science. 2015. № 9 (18). P.72-78. (In Russian).
7. *Krysin L.P.* Yazykovaya norma i rechevaya praktika [Language Norm and Speech Practice]. Available at: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm> (In Russian).
8. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad, 2010. 314 p. (In Russian).
9. *Sokolova V.V.* Kul'tura rechi i kul'tura obshcheniya [Culture of Speech and Culture of Communication]. Moscow, Prosveshchenie, 1995. 190 p. (In Russian).
10. *Frumkina R.M.* Psiholingvistika [Psycholinguistics]. Moscow, Academia, 2001. 317 p. (In Russian).

Received 12.10.2021

Mironova D.M., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Theoretical and Applied Linguistics
Southwest State University
50 let Oktyabrya st., 94, Kursk, Russia, 305040
E-mail: mir-lina@yandex.ru